

Леон Монтан

Леон Монтан

Училка в школе демонов

«Литнет»

2026

Монтан Л.

Училка в школе демонов / Л. Монтан — «Литнет», 2026

Тридцать лет в российской школе научат тебя выживать в любых условиях. Елена Петровна видела всё: от дымовых шашек в туалетах до пьяного трудовика, возомнившего себя Наполеоном. Поэтому, когда ритуал двоечников-сатанистов зашвырнул её в Академию Адского Пламени, она не закричала от ужаса. Она просто поправила очки и решила, что в этом учебном заведении пора наводить порядок. Демоны? Суккубы? Архидьяволы? Для неё это просто контингент с задержкой в развитии. Директор Академии, трехметровый багровокожий Вельзевул Асмодеевич, решивший преподавать «смертной» урок истинного страха, совершил роковую ошибку. Он не знал, что у Елены Петровны за спиной годы педагогической практики, а в руках — тяжелая указка и коллекция конфискованных плетей. Теперь князю тьмы придется узнать на собственной шкуре: что такое настоящая дисциплина, как стоять в углу на коленях и почему за плохое поведение в кабинете завуча полагается очень... очень жёсткое наказание. ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА МОЮ СТРАНИЦУ

© Монтан Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Последний звонок в аду	5
Глава 2. Урок дисциплины	10
Глава 3. Классный час на тему «Поведение в коллективе»	15
Глава 4. Знакомство с дирекцией	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Глава 1. Последний звонок в аду

Конец мая в обычной российской средней общеобразовательной школе № 13 всегда напоминал филиал преисподней, хотя Елена Петровна Волкова, бессменный завуч по учебно-воспитательной работе, предпочитала называть это «периодом повышенной педагогической турбулентности».

Двадцать пятое мая. Последний звонок. Воздух в коридорах был густым, влажным и пропитанным запахами гормонального бунта, дешевого дезодоранта, свежей краски и панического страха перед грядущими экзаменами. Восемьсот подростков, одуревших от весеннего солнца и предвкушения свободы, носились по коридорам с грацией стада бизонов во время брачного сезона. Школа гудела, вибрировала и, казалось, грозила вот-вот лопнуть по швам, не выдержав внутреннего давления.

В этом океане первобытного хаоса существовал лишь один островок абсолютного, непоколебимого порядка. Елена Петровна.

Она стояла у окна на втором этаже, сложив руки на груди, и наблюдала за броуновским движением учеников. Ей было немного за пятьдесят. Строгий, идеально сидящий серый костюм-двойка из плотной ткани, которая, казалось, отвергала саму концепцию складок. Белоснежная блузка, застегнутая на все пуговицы. Волосы цвета соли с перцем были стянуты на затылке в такой тугий и безупречный пучок, что, по слухам среди старшеклассников, он обладал собственным гравитационным полем. На носу покоились очки в тяжелой роговой оправе, стекла которых скрывали взгляд, способный остановить на скаку не только коня, но и несущегося в столовую восьмиклассника.

В правой руке она машинально покручивала свой главный артефакт власти — старую, отполированную тысячами прикосновений деревянную указку. Это был не инструмент для работы с доской. Это был скипетр. Меч правосудия. Жезл карающий.

Двадцать лет стажа в должности завуча выковали из неё существо высшего порядка. Она пережила девяностые, когда школьники приходили на уроки в малиновых пиджаках и с пейджерами; она пережила двухтысячные с их эмо-челками и субкультурами; она адаптировалась к эпохе смартфонов, TikTok-челленджей и вейпов. Её нервная система давно кристаллизовалась в карбид вольфрама. Испугать Елену Петровну было физически невозможно. Удивить — крайне сложно.

Тишину её размышлений о том, что нужно не забыть проверить накладные на новые парты для кабинета химии, прервал звук, который любой педагог распознает из тысячи. Звук глухого удара плоти о линолеум, треск рвущейся ткани и многоголосый, жадный гул толпы.

Драка.

Елена Петровна не побежала. Бег — это признак паники, а завуч не паникует. Она просто изменила вектор движения и темп. Её туфли на невысоком, устойчивом каблуке начали отбивать по покрытию коридора мерный, неотвратимый ритм: *цок... цок... цок...*

Звук этих шагов действовал на школьников магически. Толпа, плотным кольцом окружившая дерущихся в рекреации у кабинета истории, начала расступаться. Дети жались к стенам, втягивали животы, опускали глаза. Воздух стремительно холодел. Как Моисей раздвигал воды Красного моря, так Елена Петровна Волкова раздвигала ряды 11 «Б» и 10 «А».

В центре круга катались по полу два альфа-самца школы: капитан баскетбольной команды Илья Муромов и местный хулиган Денис Кабанов. Белая рубашка Муромова была безнадежно испорчена кровавым пятном из разбитого носа, Кабанов хрипел, пытаясь провести удушающий прием. Вокруг летали ключья чьей-то шпаргалки по обществознанию.

Елена Петровна остановилась в двух шагах от эпицентра. Она не стала кричать, не стала звать дежурного учителя. Она просто чуть опустила подбородок, глядя на сцепившихся под-

ростков поверх очков, и произнесла всего два слова. Голос ее был негромким, но обладал идеальной акустической проникаемостью. Он разрезал шум толпы, как скальпель хирурга разрезает плоть.

— Муромов. Кабанов.

Дерущиеся замерли. Кабанов, чьи пальцы были в сантиметре от того, чтобы вырвать клочок волос соперника, медленно разжал руки. Муромов, тяжело дыша, скатился в сторону. Оба посмотрели вверх, и в их глазах первобытная ярость мгновенно сменилась экзистенциальным ужасом.

— Встали. — Скомандовала Елена Петровна. Тон был ровным, лишенным каких-либо эмоций. Именно эта абсолютная пустота и пугала больше всего.

Оба парня вскочили как ошпаренные, рефлекторно одергивая помятую и порванную одежду. Муромов попытался вытереть кровь рукавом, но под взглядом завуча его рука застыла на полпути.

— Елена Петровна, он первый начал, он мою девушку... — попытался было оправдаться Кабанов, но указка в руке завуча сделала короткое, предупреждающее движение. Слова застряли у парня в горле.

— Меня, Кабанов, не интересуют перипетии вашей личной жизни, достойные третьего сорта бразильского сериала, — отчеканила она, чеканя каждое слово. — Меня интересует, почему за два дня до единого государственного экзамена по профильной математике два оболтуса, у которых в таблице за полугодие с трудом вырисовывается слабая тройка, тратят свои скудные интеллектуальные и физические ресурсы на порчу школьного имущества и антисанитарию.

Она сделала паузу, давая словам впитаться в подкорку аудитории.

— Муромов. В медкабинет. Обработать лицо. Затем берёшь ведро, тряпку у техники тети Нины и отмываешь линолеум от своих биологических жидкостей. Кабанов. В кабинет номер девятнадцать. Там тебя ждёт сборник задач Сканави. Будешь решать варианты с пятого по пятнадцатый, пока я не вернусь. И если я найду хоть одну ошибку в логарифмических уравнениях... твой аттестат отправится в военкомат раньше, чем ты успеешь сказать слово «отсрочка».

— Но Елена Петровна, сегодня же праздник, последний... — пискнул кто-то из толпы.

Елена Петровна медленно повернула голову. Толпа коллективно задержала дыхание.

— Праздник, Сидоров, будет тогда, когда вы все сдадите экзамены и покинете стены этого учреждения, перестав быть моей головной болью. А пока вы находитесь здесь, вы подчиняетесь правилам внутреннего распорядка. Всем разойтись по классам. Живо.

Через тридцать секунд коридор был пуст, девственно чист, если не считать нескольких капель крови, которые уже бежал оттирать бледный Муромов. Завуч удовлетворенно поправила очки и продолжила свой обход.

Следующим пунктом маршрута были подвальные и полуподвальные помещения. Интуиция — шестое чувство любого опытного педагога — настойчиво сигнализировала Елене Петровне, что где-то нарушается дисциплина.

Она спустилась по тёмной бетонной лестнице на первый этаж, в крыло, где располагались мастерские. Ещё на подходе к кабинету труда она уловила предательский, ни с чем не сравнимый аромат: смесь древесной стружки, машинного масла и... дешёвой водки «Пшеничная».

Толкнув тяжелую дверь с табличкой «Технология (мальчики)», Елена Петровна предстала перед Виктором Степановичем — трудовиком, мужчиной лет шестидесяти с красным носом и вечно виноватым выражением лица.

Виктор Степанович сидел на верстаке, в одной руке держа надкушенный соленый огурец, а в другой — граненый стакан с прозрачной жидкостью. Перед ним, как на алтаре, покоилась наполовину пустая бутылка. Празднование окончания учебного года было в самом разгаре.

Заметив завуча, трудовик поперхнулся, попытался спрятать стакан за спину, но не удержал равновесие и чуть не свалился с верстака. Стакан жалобно звякнул об пол, благо не разбился, но содержимое пролилось на свежие опилки.

— Лена... Елена Петровна... — пробормотал Виктор Степанович, пытаясь изобразить трезвость путем максимального расширения глаз. — А я тут это... морилку новую тестирую. Растворитель... очень агрессивный! Исключительно в технических целях!

Елена Петровна не спеша подошла к верстаку. Она смотрела на мужчину так, как энтомолог смотрит на особенно глупого жука, перевернувшегося на спину.

Она аккуратно, двумя пальцами взяла бутылку за горлышко и подняла ее на уровень глаз трудовика.

— Виктор Степанович. Я работаю с вами пятнадцать лет. И за эти пятнадцать лет ваша «морилка» ни разу не изменила градус и этикетку.

— Зуб болел, Елена Петровна! — взмолился трудовик. — Мочи нет терпеть! Клянусь, чисто для дезинфекции полости рта!

— Дезинфекция, — холодно отозвалась завуч. — Понимаю. Значит так, Виктор Степанович. Эта субстанция изымается в фонд школы. А ваша анестезия сейчас чудесным образом выветрится, потому что на третьем этаже в кабинете литературы нужно срочно починить пятнадцать стульев. У них шатаются спинки. И если к утру хотя бы один стул скрипнет под весом ученика... я лично проконтролирую, чтобы ваша премия пошла на закупку новых табуреток. А о вашем увлечении «агрессивными растворителями» мы поговорим на августовском педсовете. В присутствии директора.

Виктор Степанович побледнел так, что его нос потерял свой рубиновый оттенок.

— Будет сделано, Елена Петровна! Все починим! Прямо сейчас приступаю! Никаких скрипов!

— И проветрите здесь. Дышать нечем, — бросила она через плечо, направляясь к выходу. Конфискованная бутылка исчезла в глубоком кармане её рабочего пиджака.

День катился к вечеру. Уроки давно закончились, официальные торжественные линейки отгремели, школа постепенно пустела. Учителя разбегались по домам, технички лениво возили швабрами по коридорам. Но рабочий день Елены Петровны заканчивался только тогда, когда она лично закрывала входную дверь.

В 18:30 она обнаружила в кабинете физики группу девятиклассников-двоечников, которые надеялись просидеть там до ночи, чтобы избежать родительского гнева за итоговые оценки.

— Так, граждане тунеядцы, — возвестила она, появляясь в дверях подобно Немезиде. — Чего прячемся? — Мы... мы формулы повторяем, Елена Петровна! — пискнул заикающийся отличник Петя, которого, судя по всему, двоечники взяли в заложники для написания им шпаргалок.

— Замечательно. Тяга к знаниям — это похвально. Раз уж вы здесь, достаем двойные листочки. По классу прокатился стон, полный вселенского отчаяния.

— Но Елена Петровна! Уроки же закончились! Лето!

— Образование, Гусев, не знает выходных и каникул. Пока я не увижу три решенные задачи по кинематике от каждого, никто отсюда не выйдет. Время пошло.

Она села за учительский стол, положила перед собой часы и стала ждать. Под её немигающим взглядом двоечники, потев и скрипя мозгами, за час выдали решения. С ошибками, кривые, но выдали. Выгнав их взащей и отпустив несчастного отличника, Елена Петровна посмотрела на часы. 19:45. Пора делать финальный обход.

На улице уже сгущались сумерки. Тени в пустых коридорах удлинились, превращая типовое школьное здание в готический замок бюрократии. Стояла гулкая, звенящая тишина. Елена Петровна спускалась по лестнице в самый низ, в подвал, где располагались бойлерная и архив старых учебников. Это была "слепая зона", которую ученики исторически использовали для перекуров, прогулов и прочих нарушений Устава школы.

Подойдя к тяжелой металлической двери бойлерной, завуч остановилась. Из-под щели пробивался тусклый, мерцающий красноватый свет. И оттуда же тянуло странным запахом. Не табаком. Не вейпом с ароматом "клубничный чизкейк", которым постоянно дымили восьмиклассники. Пахло серой. Горелой резиной, старой проводкой и чем-то неуловимо приторным, отдающим протухшим мясом.

— Опять петарды жгут, идиоты, — пробормотала Елена Петровна. Брови её сурово сошлись на переносице. Она взялась за ручку двери и резко, без предупреждения, рванула её на себя.

Картина, представшая её глазам, была достойна кисти Босха, если бы Босх жил в спальном районе и страдал подростковым максимализмом.

В центре пыльного подвала, прямо на бетонном полу, был начерчен огромный, кривой круг. Внутри него — звезда. Линии были щедро намалёваны украденным из кабинета математики красным мелом. На вершинах звезды горели тонкие церковные свечки, видимо, позаимствованные у какой-нибудь набожной бабушки.

Вокруг этого архитектурного безобразия на коленях стояли три ученика из 11 "В" — класса, который учителя между собой называли "филиалом исправительной колонии". Сидоров, Иванов и Мамедов. Троица, чьи шансы сдать ЕГЭ по математике болтались где-то в районе абсолютного нуля. Все трое были одеты в черные балахоны (судя по всему, мантии, сташенные из костюмерной драмкружка), а на шеях у них болтались амулеты, подозрительно напоминающие брелоки из китайского интернет-магазина.

В центре пентаграммы лежала тушка дохлой вороны, щедро политая кетчупом "Хайнц".

— О, Великий Владыка Хаоса! О, Пожиратель Душ и Разрушитель Миров! — зывал Сидоров, воздевая руки к потолку, с которого свисала паутина. — Услышь наш зов! Приди в этот мир через врата тьмы! Мы приносим тебе в жертву эту... эээ... невинную птицу! Приди и уничтожь КИМы по профильной математике! Сожри бланки ответов! Испепели принтеры в штабе ППЭ!

Иванов и Мамедов истово раскачивались из стороны в сторону, бормоча что-то на псевдолатыни, вычитанной, скорее всего, в пабликах ВКонтакте.

Елена Петровна стояла в дверях и молча смотрела на этот цирк шапито. Уровень её возмущения превысил критическую отметку и перешёл в стадию ледяного спокойствия.

— Сидоров, — её голос прозвучал как выстрел из крупнокалиберного орудия в замкнутом пространстве.

Трое оккультистов-недоучек подпрыгнули так, словно к ним подвели напряжение в две-сти двадцать вольт. Они медленно повернули головы. Увидев в дверях завуча, Мамедов иронично перекрестился, забыв, что он, вообще-то, сатанист на ближайшие полчаса. Иванов просто застыл с открытым ртом. Сидоров побледнел так, что мел на его фоне казался бы грязным.

— Елена... Елена Петровна... — просипел Сидоров. — А мы тут... это... репетируем. Сценку. Для выпускного. «Фауст» Гёте! Современная адаптация!

— Современная адаптация, значит, — Елена Петровна сделала шаг в подвал. Дверь за её спиной с тяжелым лязгом закрылась. — Скажи мне, Сидоров, как учителю геометрии в прошлом. Что это за фигура на полу?

— П-п-пентаграмма? — пискнул Иванов.

— Это не пентаграмма, Иванов, это многоугольник с признаками тяжелой формы сколиоза. Если бы Пифагор увидел, как вы начертили эти углы, он бы добровольно выпил яд второй раз. А что касается антисанитарии...

Она не успела договорить. В этот момент произошло нечто незапланированное.

Смесь искреннего подросткового отчаяния, стресса перед экзаменами, кетчупа "Хайнц" и каких-то совершенно случайных космологических флуктуаций дала сбой в ткани реальности. Кривые линии мела вдруг вспыхнули нестерпимо ярким багровым светом. Пламя свечей взметнулось под самый потолок, меняя цвет с желтого на ядовито-зеленый. Воздух в подвале загудел, как трансформаторная будка, пахнуло озоном, серой и расплавленным металлом.

Подростки с воплями отпрыгнули к стенам, в ужасе глядя на дело рук своих. В центре круга, прямо над дохлой вороной, пространство начало рваться. Образовалась черная, пульсирующая воронка, из которой донеслись леденящие душу крики проклятых душ и низкий, рокошущий рык.

Елена Петровна не отступила ни на шаг. Она лишь раздраженно поправила сползшие на кончик носа очки.

— Так. Я не поняла. Вы что, притащили сюда дымовую шашку и лазерную установку? Вы вообще соображаете, что это нарушение техники пожарной безопасности?!

Она решительно шагнула вперед, прямо к пентаграмме, намереваясь растоптать "дымовую шашку" своим туфлем.

— Елена Петровна, не надо! — завизжал Сидоров, вжимаясь в кирпичную кладку. — Оно живое!

— Я тебе сейчас покажу «живое», Сидоров! — гаркнула завуч, занося ногу над краем багрового круга. — Завтра в школу с родителями! И с тряпкой, чтобы отмыть этот вандализм! Оба родителя, Сидоров, я лично позвоню твоему...

Она наступила на светящуюся линию.

Пространство схлопнулось. Раздался оглушительный хлопок, похожий на взрыв огромной петарды, подвал заволкло густым, черным дымом. Запахло жженой резиной и паленой шерстью.

Когда через минуту дым рассеялся благодаря работающей вытяжке, подвал был пуст. В центре пола чернело подпаленное пятно, свечи оплавились до основания, а ворона загадочным образом исчезла.

Трое подростков сидели на полу, трясаясь от ужаса.

— Она... она ушла... — прошептал Мамедов, стуча зубами.

— Мы... мы призвали Владыку Хаоса? — с надеждой спросил Иванов.

Сидоров сглотнул ком в горле, глядя на то место, где секунду назад стояла завуч.

— Хуже, пацаны... Мы отправили Елену Петровну в ад. Он помолчал и добавил с искренним, глубинным сочувствием: — Пиздец демонам.

Глава 2. Урок дисциплины

Переход между измерениями, как выяснила для себя Елена Петровна, по ощущениям сильно напоминал поездку в старом, дребезжащем ПАЗике по проселочной дороге с пьяным водителем за рулем. Сначала вас сильно трясет, потом внутренности делают кульбит, в ушах звенит пронзительное, мерзкое «и-и-и-и», а затем наступает резкая, тошнотворная остановка, от которой клацают зубы.

Завуч моргнула. Затем моргнула еще раз. Зрение фокусировалось неохотно. Первое, что она осознала — она больше не в школьном подвале. Бетонный пол сменился чем-то шершавым и обжигающе горячим. В нос ударил густой, насыщенный букет ароматов, в котором полностью отсутствовали нотки школьной пыли и хлорки. Вместо этого пахло так, словно где-то поблизости взорвался вулкан, а в кратер предварительно скинули тонну тухлых яиц, горелую проводку и старые автомобильные покрышки.

Елена Петровна медленно, с достоинством, присущим женщине, привыкшей контролировать любую ситуацию, поднялась на ноги. Она отряхнула юбку своего безупречного серого костюма от какой-то подозрительной черной копоти. Привычным жестом поправила очки, чудом удержавшиеся на переносице, и проверила сохранность пучка на затылке. Две шпильки отсутствовали. Возмутительно.

Убедившись, что ее внешний вид не скомпрометирован, завуч наконец-то соизволила оглядеться.

Она находилась в колоссальных размеров зале, своды которого терялись в клубящемся багровом мраке. Вместо ламп дневного света под потолком висели сгустки зеленоватого и фиолетового пламени, отбрасывающие на стены дерганные, гротескные тени. Стены были выложены из грубо обтесанного черного камня, подозрительно напоминающего обсидиан, и украшены барельефами, изображающими сцены, за которые в Российской Федерации полагалась немедленная блокировка роскомнадзором и уголовное преследование по нескольким статьям. Вместо батарей центрального отопления вдоль стен протекали узкие желоба, заполненные булькающей, раскаленной добела лавой.

«Нарушение требований пожарной безопасности, пункт 4.2. И где, спрашивается, план эвакуации? Где огнетушители? Кто вообще подписывал акт приемки?» — автоматически отметила про себя Елена Петровна, прищуриваясь.

Но архитектурные изыски блекли по сравнению с тем, кто наполнял этот зал.

Если в коридорах родной школы № 1366 царил хаос, то здесь происходил локальный, концентрированный апокалипсис. Пространство кишело существами, словно сошедшими со страниц средневековых бестиариев и кошмарных снов психиатра.

Под потолком, цепляясь когтистыми лапами за канделябры из человеческих (судя по форме) костей, носились стайки мелких, крылатых тварей с поросячьими рыльцами. Они пронзительно визжали, плевались друг в друга сгустками кипящей кислоты и кидались чем-то, подозрительно напоминающим помет гигантской летучей мыши.

В углу зала группка девиц с кожей цвета спелой сливы, изогнутыми рожками и стреловидными хвостами играла во что-то похожее на волейбол. Только вместо мяча они перебрасывали друг другу визжащий, охваченный пламенем череп. Их одежда состояла из такого минимального количества кожаных ремешков, что Елена Петровна внутренне содрогнулась от нарушения дресс-кода.

В центре зала два огромных, под два метра ростом, гуманоида с багровой, покрытой чешуей кожей и массивными бычьими рогами, увлеченно избивали друг друга вырванными с корнем базальтовыми партами. Вокруг них собралась толпа зрителей, которая улюлюкала, делала ставки и периодически пыталась откусить кусок от проигравшего.

Атмосфера напоминала большую перемену у восьмых классов, только с добавлением магии, холодного оружия и полного отсутствия инстинкта самосохранения.

— Так, — негромко произнесла Елена Петровна, плотнее перехватывая свою верную деревянную указку. — Все понятно. Спецшкола для несовершеннолетних мутантов. Интересно, в какое муниципальное образование меня закинули эти оболтусы со своей дымовой пашкой?

Она не испытывала страха. Страх — это эмоция, доступная тем, у кого есть время на рефлекссию. У завуча с двадцатилетним стажем, пережившей пять министерских проверок, три смены образовательных стандартов и один прорыв канализации прямо во время проведения ЕГЭ, отдел мозга отвечающий за страх давно атрофировался за ненужностью. Ее заменило чувство глубокого, искреннего возмущения непрофессионализмом коллег. Раз дети предоставлены сами себе, значит, педагогический состав некомпетентен.

Елена Петровна сделала шаг вперед. Ее туфли на устойчивом каблуке звонко, чеканя шаг, ударили по обсидиановому полу.

Цок... Цок... Цок...

Этот звук, многократно усиленный эхом огромного зала, прорезался сквозь демонический гвалт с невероятной четкостью. Несколько ближайших существ обернулись.

Сначала в их желтых, вертикальных, как у рептилий, зрачках мелькнуло непонимание. Затем ноздри раздулись, втягивая воздух. Запах свежестирального хлопка, легкого парфюма «Красная Москва» (Елена Петровна предпочитала классику) и чистой человеческой плоти ударил в их обонятельные рецепторы подобно грому среди ясного неба.

— Чело... век? — пророкотал один из зрителей драки, покрытый шипами демон-подросток. Из его пасти капала слюна, мгновенно прожигая дыры в каменном полу.

— Свежая душа! Смертная плоть! — завизжал крылатый имп, спикировав с люстры. — Мое! Я первый увидел!

— Заткнись, кусок слизи, это добыча старшеклассников! — рявкнул другой, более крупный демон.

Зал стремительно замолкал. Игры с пылающим черепом прекратились, драка на партах остановилась. Сотни пар глаз — горящих, фасеточных, налитых кровью — усталились на одинокую фигуру в сером костюме. Толпа начала медленно, хищно сжимать кольцо вокруг Елены Петровны.

Воздух затрещал от статического электричества. Магический фон подскочил до критических отметок. Сразу несколько молодых демонов, желая покрасоваться перед сородичами и напугать "еду", начали демонстрировать свои силы.

Один из них, с кожей цвета свежeproлитой артериальной крови, разинул пасть и исторг из себя оглушительный, парализующий волю рев, от которого с потолка посыпалась каменная крошка. Одновременно с этим другой, более худой и жилистый, щелкнул пальцами, и прямо под ноги Елене Петровне ударил ослепительный шар концентрированного адского пламени.

Шар с шипением врезался в пол в миллиметре от ее правого ботинка, окатив завуча волной жара, способного расплавить свинец.

Повисла гробовая тишина. Демоны ждали, когда жалкая смертная рухнет на колени, забьется в истерике, начнет молить о пощаде или просто умрет от разрыва сердца, не выдержав ауры чистого inferнального ужаса.

Елена Петровна не шелохнулась. Она медленно опустила взгляд на подпаленное пятно возле своей туфли. Затем перевела взгляд на демона, издавшего рык. Затем — на того, кто бросил огненный шар.

Она не видела монстров из преисподней. Она видела Иванова, который опять принес в школу петарды, и Сидорова, который пытается сорвать урок нечленораздельными звуками с задней парты. В ее системе координат не существовало магии хаоса. Существовало лишь хулиганство и грубое нарушение устава образовательного учреждения.

Елена Петровна подняла руку и поправила очки. Жест был медленным, выверенным и абсолютно лишенным суеты.

Затем она набрала в легкие побольше воздуха. Включила диафрагму. И активировала тот самый Голос. Голос, который заставлял сидеть молодых стажеров. Голос, который мог остановить массовую потасовку в столовой из-за последней сосиски в тесте. Уникальная звуковая волна, в которой гармонично сплелись металл, лед, абсолютная власть и стопроцентная уверенность в своей правоте.

— А НУ-КА ЗАКРЫЛИ РОТ И СЕЛИ НА МЕСТА! БЫСТРО!

Эффект превзошел все ожидания. Это не было магией в классическом понимании адских искусств. Это был сбой в базовых настройках вселенной. Приказ, отданный с такой феноменальной, непробиваемой авторитарностью, ударил по демонам сильнее любого заклинания экзорцизма.

Инфернальная физика дала сбой. Акустическая волна прошла по залу, буквально вдавливая существ в пол. Имп, летевший к ней с разинутой пастью, в полете поперхнулся, сложил крылья и рухнул на камни, как подбитый бомбардировщик. Демон, изрыгнувший рык, инстинктивно захлопнул пасть с такой силой, что прикусил себе язык и теперь жалобно скулил, пуская кровавые пузыри.

Многовековые инстинкты адских созданий, привыкших подчиняться только превосходящей силе и жестокости, столкнулись с невиданным ранее феноменом: жестокостью бюрократической и силой абсолютной педагогической доминации. В их недоразвитых мозгах что-то щелкнуло. Раз это существо так уверенно отдает приказы, значит, оно обладает властью, превосходящей их понимание. Значит, неповиновение равно аннигиляции.

Зал пришел в хаотичное, паническое движение. Это было подобно панике школьников, которых внезапно застукал завуч за курением в туалете.

Демоны бросились искать места. Поскольку стульев и парт на всех не хватало, так как половина была сломана в недавней драке, они рассаживались прямо на полу, скрещая копыта, лапы и хвосты. Суккубы суетливо одергивали свои неприличные кожаные ремни, пытаясь прикрыть наготу. Крылатые бесы сбились в кучу в углу, обхватив колени дрожащими руками.

Через десять секунд в огромном, еще недавно бурлящем котле хаоса воцарилась идеальная, звенящая тишина. Слышно было только, как булькает лава в желобах и тяжело, с присвистом дышит кто-то из особо крупных мутантов.

Елена Петровна окинула притихшую аудиторию строгим взглядом. Она медленно пошла вдоль рядов сидящих на полу чудовищ. Монстры втягивали головы в плечи по мере ее приближения.

— Я не вижу ваших глаз, — ровным, ледяным тоном произнесла она, прохаживаясь между рядами. — Сели ровно. Спины выпрямили. Руки перед собой. Что за сброд? Кто у вас классный руководитель? Почему в коридоре грязь, драки и использование пиротехники без присмотра взрослых? Вы из какого класса? Восьмой круг? Девятый?

Ответом ей было лишь испуганное сопение.

— Ясно. Запущенный случай, — констатировала завуч, останавливаясь возле одного из "учеников".

Это был молодой демон аристократического вида. У него были аккуратные, завитые в спирали рога, франтоватый камзол из кожи неустановленного животного (скорее всего, разум-

ного) и надменное выражение лица, которое сейчас, впрочем, стремительно сменялось нервным тиком. Но привлекло Елену Петровну не его лицо.

В руках подросток вертел длинный, зазубренный кинжал. Лезвие оружия тускло светило изнутри пульсирующим фиолетовым светом, а на гарде был инкрустирован живой, моргающий глаз. Кинжал тихо, на грани слышимости, стонал голосами замученных душ. Легендарный артефакт "Пожиратель Душ", выкованный в недрах преисподней специально для наследника клана Кровавого Копыта. Оружие, способное одним порезом выпить сущность бес-смертного.

Елена Петровна остановилась напротив подростка. Протянула руку ладонью вверх и требовательно пошевелила пальцами.

— Дай сюда.

Демон-аристократ побледнел под своей багровой кожей. Он попытался спрятать артефакт за спину.

— Э-это мое... Жалкая смерть... эээ... уважаемая. Это наследный клинок моего рода! Пожиратель Душ! Он требует крови!

Елена Петровна не изменилась в лице. Ее рука с протянутой ладонью осталась висеть в воздухе.

— Фамилия? — отрезала она.

— Ч-что? — опешил демон.

— Фамилия и класс, я спрашиваю! — завуч чуть повысила голос, и глаз на гарде кинжала испуганно зажмурился.

— Белиал... из рода Кровавого Копыта... Старший поток Академии... — пробормотал обескураженный наследник преисподней, чувствуя, как его родовая гордость рассыпается в прах под этим уничтожающим взглядом поверх роговой оправы.

— Значит так, Белиал из рода Копыта. Я не собираюсь повторять дважды. Холодное оружие в школу приносить строго запрещено. Устав один для всех. Встал и отдал эту зубочистку мне. Быстро.

Белиал попытался сопротивляться. Это было немыслимо. Отдать родовой артефакт смертной женщине! Он зарычал, пытаясь вызвать в себе гнев, и вскинул кинжал. Пожиратель Душ завизжал, предвкушая жатву.

Реакция Елены Петровны была молниеносной, отработанной годами изъятия рогаток, лазерных указок и смартфонов на контрольных. Она не стала отшатываться. Вместо этого ее правая рука с деревянной указкой сделала короткое, резкое движение.

ХРЯСЬ!

Указка с сухим треском опустилась точно по костяшкам пальцев демона. Удар не был магическим, но в него была вложена вся масса праведного педагогического гнева. От неожиданности и острой, обидной боли Белиал взвыл, разжимая пальцы.

Легендарный артефакт, выкованный в адском огне, с жалобным звяканьем упал на пол. Глаз на гарде панически заморгал и пустил скупую кровавую слезу. Елена Петровна наклонилась, брезгливо взяла кинжал за безопасный край рукояти (глаз тут же зажмурился и притворился мертвым) и сунула его в свой бездонный, безразмерный карман рабочего пиджака, где он соседствовал с конфискованной у трудовика бутылкой водки и чеком за покупку мела.

Белиал сидел на полу, дую на ушибленные пальцы, и смотрел на нее со смесью шока и благоговейного ужаса. Остальная аудитория даже перестала дышать.

— И чтобы больше я этого не видела, — строго сказала Елена Петровна, вытирая руки бумажной салфеткой, которую достала из другого кармана. — Изъято. Заберешь в конце четверти. Вместе с родителями. Я хочу видеть твоего отца или опекуна в моем кабинете. Я доступно объясняю?

Демон судорожно закивал. Рога чуть не проткнули сидящего сзади импа.

— Да, госпожа... То есть, мэм... То есть...

— Елена Петровна, — представилась завуч. — Для вас — Елена Петровна. И я настоятельно рекомендую всем присутствующим запомнить это имя. Потому что с этой минуты в вашем... заведении... устанавливается дисциплина.

Она развернулась на каблуках, оглядывая застывшее море рогов, клыков и чешуи.

— Кто-нибудь из присутствующих здесь оболтусов обладает достаточным словарным запасом, чтобы объяснить мне, где находится кабинет директора вашей школы? У меня накопилась к нему масса вопросов по поводу организации учебного процесса.

В абсолютной тишине чья-то дрожащая когтистая рука робко поднялась вверх, указывая на огромные, окованные метеоритным железом черные двери в дальнем конце зала.

Елена Петровна кивнула.

— Прекрасно. А вы, — она обвела аудиторию своей указкой, — сидите тихо. Звонка на урок еще не было. Кто встанет с места до моего возвращения — будет неделю драить котлы в столовой.

Она развернулась и твердым, чеканным шагом направилась к кабинету директора. Она еще не знала, что за этими дверями заседает архидьявол Вельзевул Асмодеевич Ректоратус, князь шестого круга, повелитель ужаса и отчаяния.

Впрочем, если бы она и знала, это ничего бы не изменило. Для Елены Петровны он был просто директором, который отвратительно справляется со своими обязанностями. А значит, его ждал очень серьезный, неприятный разговор. И никакие рога и ауры inferнального ужаса не могли спасти его от праведного гнева завуча по учебно-воспитательной работе.

Глава 3. Классный час на тему «Поведение в коллективе»

Путь к кабинету директора Академии Адского Пламени оказался несколько длиннее, чем предполагала Елена Петровна. Черные створки, казавшиеся близкими, отступали по мере приближения — дешевый пространственный фокус, который завуч списала на «некачественный ремонт и проблемы с глазомером из-за плохого освещения».

Пока она шла по широкому коридору, вымощенному плитами из прессованного пепла, ее профессиональный слух уловил звуки, проигнорировать которые не смог бы ни один уважающий себя педагог. Из-за полуоткрытой массивной двери, украшенной барельефом в виде корчащихся в агонии душ, доносились утробное чавканье, влажный хруст и отчаянные, захлебывающиеся крики.

«Столовая закрыта, и они едят прямо в кабинетах», — раздраженно подумала она. — «Крошки, мусор, антисанитария. Где дежурный учитель?»

Она решительно толкнула скрипучую дверь и переступила порог аудитории.

Это был класс. Своеобразный, конечно, но базовые принципы эргономики безошибочно выдавали в помещении учебную комнату. Ряды грубо вытесанных каменных столов амфитеатром спускались к кафедре. Роль школьной доски выполняла огромная вертикальная плита из медленно остывающей базальтовой породы, по которой периодически пробегали оранжевые прожилки магмы.

Учителя в классе не наблюдалось. Точнее, под кафедрой виднелась чья-то дрожащая мантия и пульсирующий от ужаса щупальцевидный отросток, но Елена Петровна решила временно проигнорировать этот факт профессиональной деградации коллеги.

Внимание завуча было приковано к задней парте. Там происходило вопиющее нарушение правил внутреннего распорядка.

Огромный, грузный демон-переросток с чешуей цвета ржавчины и мордой, напоминающей помесь бульдога с крокодилом, увлеченно запихивал себе в пасть своего соседа по парте. Сосед — тощий, многоглазый имп в очках с толстыми линзами — отчаянно сопротивлялся, сучил когтистыми лапками и визжал на ультразвуке. На данный момент процесс поглощения находился на стадии экватора: верхняя половина импа уже исчезла в зубастой пасти хулигана, а нижняя комично болталась снаружи, цепляясь за край парты.

Остальной класс, состоящий из трех десятков разномастных inferнальных подростков, увлеченно наблюдал за трапезой, подбадривая хищника стуком копыт и ритмичным уханьем.

Елена Петровна остановилась в дверях. Она медленно достала из нагрудного кармана платочек, протерла очки, водрузила их обратно на нос и глубоко вздохнула.

— Я дико извиняюсь, — ее голос, холодный и острый, как скальпель патологоанатома, разрезал демонический гвалт. — Я вам не мешаю? Приятного аппетита, может быть, салфеточку подать?

Класс мгновенно затих. Все многообразие рогатых, клыкастых и чешуйчатых голов повернулось в сторону входа. Демон-бульдог замер с наполовину проглоченным одноклассником во рту. Он удивленно захлопал маленькими желтыми глазками, глядя на невысокую женщину в сером костюме.

— Пр-р-р? — глухо выдал он, не разжимая челюстей.

Елена Петровна неспешным, чеканным шагом начала спускаться по ступеням амфитеатра. Аудитория вжималась в парты. Аура абсолютной, непререкаемой власти, которую излучала эта человеческая самка, ломала inferнальную систему координат. Она не пахла страхом. Она пахла мелом, канцелярским клеем и неизбежностью возмездия.

Завуч подошла к задней парте. Она посмотрела на дрыгающиеся ноги поглощаемого импа, затем перевела взгляд на хулигана.

— Выплюнь. Немедленно.

Демон сглотнул слюну. В его глазах читалось непонимание. В Преисподней право сильного было единственным законом. Он был больше, он был голоден, следовательно, он имел полное право сожрать слабого. Это была базовая метафизика.

— Гр-р-р... Моя добыча! — утробно прорычал он, пытаясь протолкнуть одноклассника глубже в глотку.

Глаза Елены Петровны сузились до состояния двух ледяных щелей.

— Фамилия?! — рявкнула она так, что пламя на настенных факелах испуганно пригнулось.

— Г-гор-р-г из клана Обжо-о-ор... — промямлил демон, чувствуя, как его исконная агрессия тонет в ледяном взгляде этой женщины.

— Замечательно, Горг. Так вот, слушай сюда, обжора. Я считаю до трех. Если ты не извлечешь своего одноклассника из своей ротовой полости, я лично спущусь с тобой в пищевоблок и заставлю тебя съесть три ведра пищевых отходов. Без соли. Раз!

В глазах Горга мелькнул первобытный ужас. Челюсти демона инстинктивно разжались. С громким, шлепающим звуком на пол выпал его одноклассник. Он был весь покрыт липкой, едкой слюной, его очки съехали набок, но он был жив и, судя по всему, цел. Полежав секунду, имп вскочил и с писком забился под ближайшую парту, трясаясь от пережитого.

Елена Петровна посмотрела на Горга. — Два.

Демон втянул голову в плечи, ожидая кары, но завуч просто указала своей верной указкой на огромную базальтовую доску.

— К доске, Горг. Живо.

Сбитый с толку гигант неуклюже выбрался из-за парты, едва не развалив ее своей тушей. Он проковылял к кафедре, оставляя на полу мокрые следы слюны.

— Берешь в лапу кусок магматического мела, — скомандовала Елена Петровна, указывая на груды тлеющих камней у доски. — И пишешь. Крупными, разборчивыми буквами. «Я больше не буду жрать одноклассников на уроке метафизики». Тысячу раз. И если я увижу хоть одну орфографическую ошибку... ты будешь это собственным пеплом.

Горг недоверчиво посмотрел на раскаленный кусок камня, потом на свои толстые, неуклюжие когтистые лапы. Писать? Ему? Да он с трудом мог нацарапать свое имя!

Но взгляд завуча не оставлял пространства для дискуссий. Повинуясь непонятному ему самому импульсу, Горг взял в лапу тлеющий камень, обжигаясь и шипя, и начал выводить на доске первую, кривую букву.

Елена Петровна обвела притихший класс победным взглядом.

— Итак, продолжим. Раз уж у вас, судя по всему, незапланированный классный час на тему «Правила поведения в коллективе», я его проведу. Первое и основное правило: школа — не столовая и не гладиаторская арена. Здесь мы учимся, получаем знания и развиваем социальные навыки. Поедать друг друга в перечень этих навыков не входит. Это всем понятно?

По классу прокатился робкий, нестройный гул согласия.

— Я не слышу! — отрезала она.

— ДА, ЕЛЕНА ПЕТРОВНА! — рявкнул хор из тридцати демонических глоток.

— Отлично. Второе. Дневники у всех есть? Класс недоуменно молчал. Концепция дневника была чужда inferнальной педагогике. — Ясно, заведем. С завтрашнего дня я лично буду выставлять оценки за поведение, и в конце недели ваши родители — или кто у вас там, архи-

дьяволы, повелители мух, князья разложения — должны будут расписаться. Отсутствие подписи приравнивается к прогулу по неуважительной причине со всеми вытекающими последствиями.

Под партами послышались панические стоны. Идея о том, что их могущественные, вечно занятые завоеванием миров родители будут посвящены в их школьные проказы, казалась страшнее любого наказания.

— И третье, — Елена Петровна подошла к дрожащему под кафедрой учителю и вытащила его наружу за шкурку. Учителем оказалось склизкое, многоглазое существо, напоминающее осьминога с книжкой. — Уважение к старшим. В частности, к преподавательскому составу. Если я еще раз увижу, что учитель прячется от учеников, я сделаю оргвыводы. И для учеников, и для учителя.

Она поставила дрожащего осьминога на ноги, отряхнула с его мантии пыль и строго посмотрела на него.

— Коллега. Что это за бардак? Почему урок не начат?

— О-они... они сожрали колокольчик... — пролепетал тот, шевеля щупальцами.

— Сожрали колокольчик? — брови Елены Петровны поползли вверх. — Это не повод отменять занятие. Берете два куска камня и стучите друг о друга или кричите. Проявите педагогическую смекалку!

Она развернулась к классу. На доске Горг, обливаясь потом и слезами, выводил пятое предложение. До тысячи было еще далеко.

— Итак, класс. Тема сегодняшнего урока, я надеюсь, вами усвоена. Сейчас вы все тихо и мирно сидите и медитируете на тему своего отвратительного поведения. А я все-таки дойду до вашего директора. У меня к нему накопилось еще больше вопросов.

Она в последний раз окинула взглядом притихший класс, который теперь напоминал воскресную школу при монастыре, а не филиал ада. Горг у доски усердно скрипел раскаленным мелом. Имп, переживший попытку поглощения, что-то старательно конспектировал.

«Порядок можно навести где угодно», — с удовлетворением подумала Елена Петровна, выходя из аудитории. — «Была бы политическая воля и хорошая деревянная указка».

Она продолжила свой путь к кабинету директора, оставив за спиной первый в истории преисподней класс, где демоны учились не сеять хаос, а сидеть смирно и бояться вызова родителей в школу.

Глава 4. Знакомство с дирекцией

Слухи в Академии Адского Пламени распространялись быс

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.